

К концу жизни Петра Монплезир изменился неузнаваемо. Царь мог пройти из старых покоев по построенным в 1717 г. галереям в павильоны — «люстгаузы» («веселые домики»), в которых висели работы голландских и фламандских художников. Во время последней поездки в Голландию он пристрастился к коллекционированию и привез в Монплезир много картин. Всего их там у него было более двухсот. Именно для них и были построены люстгаузы. Потолки галерей, соединявших их с самим дворцом, в 1721 г. расписывал все тот же блестящий французский мастер Пильман, а позже дело украшения галерей продолжал Каравакк, получавший в мае 1724 г. материалы «для убирания в Питер гофе Нижней зделанной галереи». Работа продолжилась и в 1725 г. — за декабрь этого года известен указ о том, чтобы отпустить холст и краски Каравакку «на писмо потолочных картин, которым надлежит быть в Питергофе».⁶¹ Петр, как всегда, спешил. 3 июня 1720 г. кабинет-секретарь царя Макаров писал Сенявину относительно отделки Китайского кабинета: «Столяра Мишеля резной лакировой кабинет в Мом Плезиере, для Бога, делать приневольте скоряя для того, что Ц. в. всемерно велел тем лакировым кабинетом поспешать».⁶² Крыша дворца была покрыта железом — 920 «досок железных» были заказаны в мае 1721 г. на Петровских Олонецких заводах.⁶³

К 1723 г. заметно похорошел сад Монплезир. Петру было приятно гулять под зелеными сводами аллей, любоваться законченными совсем недавно фонтанами «Сноп», четырьмя водяными «Колоколами». Можно было подвести гостя к «Диванчику» — фонтану-шутихе, заботливо усадить на сиденье, а потом мигнуть служителю — включай воду! К концу царствования Петра сад разросся, рядом с ним были теплицы, где поспевали овощи — в те времена без «полезного земледелия» в парках и садах не обходились, как и без оранжереи, птичника и пруда для лебедей и уток. Он назывался Менажерийным (от фр. *menagerie* — зверинец). На морской террасе, опираясь на трезубец, стоял старый бородатый «приятель» адмирала Петра Михайлова — Нептунус... Слева и справа от Монплезира в 1719—1720 гг. построили два флигеля, где селили царских родственников и приближенных. Внутри были небольшие комнаты — «чуланцы». Для этого последовал указ: «Перевести с реки Охты в Питер гоф для загородки момплезиерских чуланцов дубового тесу восемьдесят досок».⁶⁴

⁶¹ Там же. Оп. 1. Д. 19а. Л. 212; Оп. 2. Д. 47а. Л. 414.

⁶² Там же. Ф. 468. Оп. 43. Д. 7. Л. 11 об.

⁶³ Там же. Д. 6. Л. 127.

⁶⁴ Там же. Ф. 467. Оп. 4. Д. 27. Л. 33.

В 1724 г. Петр, большой любитель и знаток всяких инструкций и регламентов, написал особые «Пункты» — правила поведения гостей в Монплези́ре. В сущности, это правила довольно строгой гостиницы. Сюда никто не мог приехать без приглашения и «карты номера постели». Значит, «чуланцы» имели порядковые номера. При этом постояльцам запрещалось меняться местами. Чины первых пяти классов «Табели о рангах» могли взять с собой по одному слуге, остальные обходились своими силами. В комнатах гостям запрещалось ложиться на постели «неразуфся с сапогами или башмаками». Тут уж нарушать установленные государем правила было опасно — глазастый и резкий Петр мог за это «угостить» своей знаменитой дубинкой...

Государь, приехав на ботике из Кронштадта в Петергоф, молился в Знаменской церкви и, как записано секретарем в Походном журнале, «кушав, изволил восприять путь в Петербург морем, на ботике, парусами. А... из Петергофа в Санкт-Петербург до которого места изволил доехать, о том неизвестно».⁶⁵ Нам это тоже неизвестно, да и пусть будет так: великий государь, основатель империи, новой столицы в последний раз взглянул на родной ему Петергоф и скрылся от нас в тумане истории, точно так же, как за много лет до этого появился из тумана на таком же ботике у этих благословенных берегов...